

Научная статья

УДК 811.161.1.04

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-6>

© Елизавета Сергеевна Лихачева, 2021

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия,
liza.lihachyowa@yandex.ru

© Elizaveta S. Likhacheva, 2021

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia,
liza.lihachyowa@yandex.ru

Отражение некоторых фонетических процессов в Златоусте конца XVI века

Аннотация. В статье рассматриваются фонетические процессы, нашедшие отражение в памятнике русской письменности конца XVI в. Делается вывод, что рукопись Златоуста содержит множество примеров подобных процессов, свойственных как древнерусскому языку позднего периода в целом, так и отдельным его диалектам. Такая ситуация свидетельствует о том, что к концу XVI в. разговорные и диалектные элементы все больше проникают в язык канонических текстов – сочинений религиозного содержания. В связи с этим в статье проводится параллель между Златоустом и рукописью Апостола начала XVI в., которая отличается большей консервативностью в плане отражения фонетических изменений.

Ключевые слова: древнерусский язык, фонетические процессы, рукописи, Златоуст, Апостол, XVI век.

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Л. В. Ненашевой.

Reflection of some phonetic processes in Zlatoust of the end of the XVI century

Abstract. The article describes the phonetic processes reflected in the Russian manuscript of the end of the 16th century. It turns out that Zlatoust contains a lot of examples of such processes which were characteristic for the Old Russian language of the late period and its individual dialects. This situation indicates that by the end of the 16th century colloquial and dialect elements are increasingly penetrating into the language of canonical texts – works of religious content. In this regard, the article draws a parallel between Zlatoust and the manuscript of the Apostle of the early 16th century which is more conservative in terms of reflection of the phonetic changes.

Keywords: the Old Russian language, phonetic processes, manuscripts, Zlatoust, Apostle, the 16th century.

Acknowledgments. The research was carried out under the guidance of Doctor of Philological Sciences, Professor L. V. Nenasheva.

Введение

Важное место среди памятников древнерусской письменности занимает Златоуст. Безусловно, сохранившихся списков Златоуста не так много, как, к примеру, рукописей Евангелия (что обусловлено постоянным использованием Евангелия в богослужении); однако наряду с Апостолом, Минеей, Псалтырью и некоторыми другими жанрами древнерусской литературы он все же достаточно хорошо представлен в рукописных собраниях. Златоуст – один из типов сборников уставных чтений, которые исследователи определяют как сборники нравоучительно-повествовательного характера, включающие сочинения дидактического и торжественного красноречия, агиографические произведения, полемические слова, толкования, краткие нравоучительные сентенции и т. д. Такие сборники дополняли богослужебные книги и устную проповедь, а в целом служили просветительским целям христианской церкви¹. Единой научной классификации сборников уставных чтений на сегодняшний день не существует; однако наиболее известными являются типологии, предложенные авторами Православной богословской энциклопедии в 1904 г. и исследователем В. П. Виноградовым в 1914 г. Согласно первой из них, сборники уставных чтений подразделяются на сборники «подвижного состава», включающие сочинения разных авторов (Торжественник, Минея, Пролог, Пчела и др.), которые могут варьироваться, и на сборники «неподвижного состава», куда входят произведения одного автора и чье содержание достаточно устойчиво (Лествица, Маргарит, Паренесис и проч.). Состав Златоуста всегда отличался неустойчивостью, данный сборник закономерно принадлежит к первой группе по вышеуказанной типологии². Классификация В. П. Виноградова включает в себя четыре типа сборников уставных чтений: Толковое Евангелие, Златоуст, Минея и Торжественник. Тот факт, что Златоуст рассматривается исследователем в качестве отдельного типа сборников уставных чтений, также свидетельствует о его значительной роли в древнерусском книжном репертуаре. Необходимо отметить, что ученые обычно выделяют три типа самого Златоуста: Постный (содержащий статьи, посвященные Великому посту и его преддверию), Пятидесятный (продолжение Постного Златоуста статьями на воскресные и некоторые будние дни от Антипасхи до Недели всех святых), Годовой (включающий статьи на весь год – от Недели мытаря и фарисея до конца литургического года, т. е. до 36 недели после Недели всех святых)³.

Одна из рукописей Златоуста в настоящее время хранится в г. Архангельске, в собрании Музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» КН 398). Златоуст поступил в Музейное объединение в 2000 г. Рассматриваемая ру-

¹ Черторицкая Т. В. Торжественник и Златоуст в русской письменности XIV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг / под редакцией Л. П. Жуковской. – Москва: [б. и.], 1990. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 329–330.

² Творогов О. В. Описание и классификация списков сборника «Златоуст» // Труды Отдела древнерусской литературы / под редакцией Д. С. Лихачева. – Ленинград: Наука, 1985. – Т. 39. – С. 278.

³ Творогов О. В., Черторицкая Т. В. Златоуст // Словарь книжников и книжности Древней Руси / под редакцией Д. С. Лихачева. – Ленинград: Наука, 1988. – Вып. 2. – Ч. 1: А–К. – С. 358.

копись является примером Постного Златоуста, поскольку содержит статьи, посвященные неделям перед Великим постом и самому периоду поста (включает 64 статьи, в отличие от 65-статейного традиционного Постного Златоуста). Бумажные знаки позволяют в целом верно датировать данную рукопись – скорее всего, она была создана в последней трети XVI в. (филигрانی соответствуют периоду 1581–1600 гг.): «Кувшинчик средней величины с одной ручкой, на крышке корона, увенчанная четырехлистником» – № 4008 (1581 г.), № 4067 (1588 г.), № 4115 (1596 г.); «Кувшинчик с узким горлом, двумя ручками, украшенный четырехлистником» № 4099 (1600 г.), № 4132 (1600 г.) – согласно альбомам филиграней Н. П. Лихачева¹. Рукопись расположена на 261 листе и написана одним почерком – крупным полууставом, постепенно переходящим в скоропись. Таким образом, мы имеем дело с рукописью, отражающей фонетические, морфологические и графико-орфографические особенности языка одного конкретного писца предположительно конца XVI в. В связи с этим интересно выяснить, в частности, следующее: позволял ли себе переписчик Златоуста, работая над ним, отображать в рукописи фонетические процессы, свойственные как в целом древнерусскому языку, так и его собственному говору? Или же, напротив, строго следуя сакральному характеру переписываемого текста, он старался соблюдать устоявшиеся, освященные традицией звуковые нормы? Памятникам деловой письменности того времени уже была свойственна большая свобода – от фонетики до синтаксиса (как известно, деловая письменность, более близкая к разговорному языку, быстрее, нежели памятники церковного содержания, реагирует на происходящие в языке изменения и фиксирует их). Возможно, писец Златоуста был склонен, напротив, архаизировать свое письмо, представляя в нем южнославянские фонетические особенности? На эти вопросы можно попытаться ответить, изучив отражающую фонетические процессы орфографию памятника письменности. Обратимся к рукописи Златоуста.

Основная часть

Среди процессов, относящихся к области консонантизма, в Златоусте наиболее часто встречается ассимиляция по звонкости и глухости. Ассимиляция по звонкости наблюдается, как правило, в словах с предлогом-приставкой **сѣ-**. Приведем примеры: **звѣдѣсѣ** (17), **з гѣ/сѣми** (21), **з бесѣ мѣчѣніе**, **пожарѣ згорѣтъ** (47 об.), **зѣ женѣю** (59), **з жидѣ** (66), **з дѣбрыми дѣлы** (95 об.), **згѣстѣсѣ составѣ** (110 об.), **з гордынею** (135 об.), **збывѣтѣсѣ речѣ/н'ное** (136), **з дрѣва** (146), **збирѣ/хѣсѣ** (156). В единичных случаях такая ассимиляция наблюдается в словах на стыке корня и суффикса: **ѡ тѣбѣ** (44, 45 об.), **ѡ тѣбѣ** (56 об.), **та/д'бѣ** (168). Кроме того, в рукописи встречаются случаи гиперкоррекции (озвончения согласного звука перед глухим), являющиеся, ве-

¹ Ненашева Л. В. Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». – Москва: Северный паломник, 2019. – С. 23.

роятно, результатом утраты редуцированных в корне слова: *пѣи́мса* (17), *пѣи́мса* *о́гди*/ти (35), *пѣи́теса* (38), *пѣи́са* (44 об.), *пѣи́мса* (117 об.), *пѣи́тѣ* (130 об.). Ассимиляция по глухости также присутствует в рукописи Златоуста: *ѡпцинуѡ* (2 об.), *мѣр'скаго* (7), *по немѡу и́тти* (8), *прини́ти* (13), *не ѡтѡхца́ю* (24 об.), *та́шко* (57), *ташкина* *грѣху* (91), *мѣ/р'ско* (92 об.), *ташкаа* *времена* (96), *мѡ/х'коу* *потѣлю* (105 об.), *мѡ́ка* *та́шка* (123 об.), *на то́ргъ и́тти* (135 об.), *рѣтко* *ноша*^х (155 об.), *сѡ́рти* *ташкина* (167). Ассимиляция же по способу образования, нередко наблюдаемая в Златоусте, представлена разнообразными, порой гиперкорректными, написаниями: *пѡ́тцкиа* *пѡ́хоти* (43 об.), *мѡ́тче* *вы* (21), *мѡ́че* *вы* (45), *но мѡ́ши* *вы* (117 об.), *мѡ́че* *вы* (123 об.) и даже *мѡ́/че* *вы* (127 об.), *пѡ/т'цкиа* *пѡ́хоти* (107). Еще один фонетический процесс из области консонантизма – упрощение групп согласных – часто встречается в написании корня *праздн-*: *празне́ство* (49 об.), *празно́ѣ* (51), *но прѡ/зноваша* (53), *празныа* *словеса* (60), *ѡ́празни́шаса* (130), *сѡ́ва** *пра́на* (149), *пра́нество* (150), *пре́же* *пра́ника* (156); другие примеры наблюдаются значительно реже: *возрати́*/ (162 об.). Кроме того, в рукописи отмечены единичные случаи эпентезы – добавления согласной, вероятно, облегчающей произношение, между гласными: *во/лѡри*^и (54 об.).

Рукопись Златоуста интересна также тем, что на всем ее протяжении наблюдается мена аффрикат *ц* и *ч*: *ѡцы́сти* *мѡ* (2, 2 об.), *ѡцы́щеніе* (4 об.), *ѡцы́щеніе* *грѣхѡвъ* (13), *ѡцы́щенію* (33 об.), *ѡцы/ца́ютса* (67 об.), *но ѡчи́щенію* (12 об.), *ѡчи́щеніе* (55). Однако данное явление отмечено лишь в одном корне *чист-*; для других корней характерны привычные написания: *пѡ́чють* (12 об.), *чюдеса́* *гѡа* (51), *мно́га* *чюдеса́* (79), *чи́овство* (157), *по́чю* *вы* (176). По этой причине нельзя считать писца Златоуста носителем одного из говоров, которым свойственна такая особенность, как мена аффрикат. Возможно, свою роль здесь сыграла специфическая фонетика исходного списка, используемого писцом; заметим, что подобное написание именно корня *чист-* наблюдается, в частности, у писца Апостола, созданного в первой половине XVI в. и также хранящегося в Музейном объединении «Художественная культура Русского Севера»¹.

Итак, мена аффрикат в Златоусте носит, по-видимому, случайный характер. Что касается аффрикаты *ч*, то после нее в рукописи последовательно употребляется бук-

¹ Лихачева Е. С. Отражение фонетических процессов в Апостоле XVI века // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной памяти д. ф. н., профессора К. А. Войловой (г. Москва, 27 февраля 2020 г.) / под редакцией О. В. Шаталовой. – Москва: Издательство МГОУ, 2020. – С. 213.

Наконец, необходимо остановиться на еще одной важной орфографической особенности, которая может свидетельствовать как о приверженности древнерусских писцов к специфике южнославянской фонетики, так и об их склонности к более знакомым им древнерусским произносительным нормам. Речь идет об отражении на письме звука (или звукового комплекса), восходящего к праславянскому сочетанию *dj. Как известно, для древнерусского извода церковнославянского языка на месте данного сочетания характерны произношение звука [ж] и использование графемы ж; южнославянской же письменности в этом случае было свойственно буквенное сочетание **жд**, отражающее произношение [жд], восходящее к старославянскому языку. Закономерно предположить, что в Златоусте – памятнике религиозного содержания – писец будет, сознательно архаизируя свое письмо, предпочитать южнославянский вариант **жд**, «освященный» традицией старославянской письменности. Однако изучение графико-орфографических особенностей рукописи приводит нас к совершенно противоположному выводу: писец Златоуста, в начале текста старающийся употреблять сочетание **жд**, быстро отходит от данной тенденции и последовательно начинает использовать графему **ж**: *завѣщѣши*^ж (2 об.), *ѡсѣщѣннѣмъ* (4 об.), но

блѣжениа̑ (18 об.), трѹжаѣтсѧ (36), межю҃/совою (58), досажениа̑ (65 об.), рожеишимъ (77 об.), загражаютсѧ (100), о҃гжожаеши (105), прѣже всѣхъ (109), ѿдѣжа (160), надѣжѥ (166 об.), гражданѥ̑ (175 об.). Впрочем, у писца в ходе создания рукописи нередко наблюдаются колебания в отношении подобных написаний (порой в пределах одной страницы). Приведем примеры таких колебаний: бытъ ѡслуженъ, но ѡслу҃деніе (2); наслаженіе̑ (42) и наслажаешы (144); досажениа̑ (50), но досажениа̑ (65 об.) и досажение̑ (120 об.); надѣжа (63), но надѣжа (66); по захоженіи̑ слнца (95 об.), но исхожающе (149 об.); нѹжа (150 об.) и понѹ/жающе (155 об. – 156). Особо отметим слова с корнем жад-, который представлен в рукописи в трех вариантах – с элементами жд / ж / д: жа́жею (45), жа́жею (117 об.), жа́жею (130 об.), нача́нѣ жада́ти (136 об.), жада́еши (139 об.), жажа́ (172). Третье из указанных написаний является более специфичным и встречается в рукописях значительно реже. Однако, несмотря на наблюдаемые варианты, в исследуемой рукописи написание ж безусловно преобладает. Итак, наше предположение не оправдывается: писец Златоуста в данном случае отдает предпочтение древнерусским произносительной и письменной нормам, допуская, таким образом, в текст церковного содержания свидетельства живой, повседневной речи.

В связи с этим особенно интересной представляется следующая, противоположная указанной выше, тенденция. Несмотря на разнообразные фонетические процессы в области согласных, переписчик Златоуста все-таки не забывает, что работает с религиозным текстом, и предпочитает «возвышенное» старославянское звучание слов древнерусскому (например, регулярно употребляет *щ* вместо *ч*): *со свещами* (7), *нощнаа* (16 об.), *нщреши* (18), *све/щю* (33), *свеща* (114 об.), *в' пащы ѿнѣнѣи* (115 об.), *по вса ноши* (124); *свещю* (127 об.), но *нѣмочныа тѣло* (145 об.), *в пещерѣ во вѣлиомѣ* (172 об.).

Изучив фонетические процессы в области консонантизма, обратимся к специфике гласных в рукописи Златоуста. В первую очередь рассмотрим употребление буквы Ѣ. Как известно, графема Ѣ на письме соответствовала фонеме <ѣ>, реализующейся в речи восточных славян посредством звука [ĕ]. Верное или неверное в этимологическом плане употребление буквы Ѣ, ее смешение с другими графемами (как правило, с е и и) в древнерусских рукописях проясняет вопрос о системе гласных фонем говором создателей данных памятников. В рукописи Златоуста мы наблюдаем регулярную мену букв Ѣ / е в корнях слов: со свещѣми (7), гневливѣ члѣвѣ (32 об.), посекѣтели (36 об.), секира (38), ѡрѣзание (51 об.), согрешѣюще (97), цвѣт травны (100), звездѣми (113), ѡсекоуѣ (133 об.), пѣсни бесѣвскихъ (159 об.), целоваѣвъ (162). Однако частотны случаи варьирующихся (порой в пределах одной страницы) написаний корней с Ѣ; как правило, такой мене подвергается ударная Ѣ, это может свидетельствовать

вать о все большем вытеснении из говора писца фонемы <ѣ>: рѣ́ко́/ша (17 об.), но ре/ко́ша (18); ѿ грѣ́сѣхъ, но ѿ грѣсѣ́хъ (49 об.); ни гнѣва́и́тесѧ (60), но гнѣ́вѧъ (65 об.); вѣ́чнаѧ мо́ука (79 об.), но вѣ́чными мо́уки (144); ѿ света и свѣ́тъ ми́роу (100 об.); с ме́ста тогò (157 об.), но на мѣ́сто (158); свѣ́тъ бо е́сть и све́ бо (176 об.). Чаше всего мена ѣ / е наблюдается в следующих корнях: бѣс-, вѣк-, вѣр-, гнѣв-, грѣх-, звѣзд-, свѣт-, сѣк-. В рукописи также встречаются редкие случаи замены корневой ѣ графемой и: свити́ника (113), но свѣти́ли́ниѧъ (135 об.); а́прила (164 об.). Отметим еще одну особенность орфографии Златоуста: писец нередко в корнях с полногласием / неполногласием использует букву ѣ: съ дѣ́ва (15 об.), но дрѣ́ва пло́довѣ́таѧ (111); грѣ́хò/вно́е брѣ́ма (26); чрѣ́во (58), но чрѣ́воу ѡ́гожа́еши (140); брѣ́/мена (95 об.), но брѣ́/мени грѣхòвнаго (99); дрѣ́во бо е́сть (126 об.), дрѣ́во ле/жи́тъ (156 об.), ѡ́зрю дрѣ́во (157 об.). Впрочем, верные написания с буквой е в таких корнях заметно преобладают: вне́бреже́ни (19 об.), сре́брò моё (45), сре́бролю́би́емѧъ (57 об.), па́че сре́бра (65 об.), чре́зъ си́лоу (72), в сре́доу (74), ко д'рѣ́вѧъ (129 об.), ѡ́бре/менѣ́на еси (141), во́ чрѣ́вѣ (172 об.) и т. д. Графема ѣ также неожиданно обнаруживается в корнях, содержащих сочетания редуцированных с плавными: во́зѣ́ржа́нїе (42), нево́зѣ́ржа́ни"/ (188 об.), дѣ́р'жа" (189 об.). Однако примеры таких написаний единичны, к тому же они затрагивают только один корень держ-; регулярными же в данных сочетаниях являются гласные полного образования: все́де́р'жи́телѧ (101 об.), во́зде́ржа́нїемѧъ (108), во́зде́ржа́нїе (169), ѡ́зде́ржа́нїе/ (177 об.).

Нередко ѣ заменяется графемой е в местн. падеже ед. числа имен существительных: в пра́вде (5 об.), на/гла́ве (16 об.); в жи́вотѣ (20 об.), но в жи́вотѣ е́го (25); в чи́стотѣ ѿ в пра́/вде (26), во пѣ́льнѣстве (28), в' чи́стоте (44 об.), во пѣ́льнѣ/стве (54); во ѡ́номѧъ вѣ́ще (62), но в' вѣ́ще сѣ́мѧъ (82 об.); во рѣ́е со л'вы (115 об.), в при́во́/ре (156 об.). Очень редко подобная мена встречается в форме дат. падежа ед. числа: по си́ле (40), к мѣ́тве (169). Кроме того, писец Златоуста регулярно меняет буквы ѣ / е в форме им., вин. падежей двойств. числа существительных: ро́уце ѿпадо́/ша (10), сва́завше е́мѧ/ ро́уце (21 об.), ѡ́умы/ва́ти ѡ́ста ѿ ро́уце (29), ѡ́мыва́ти ро́уце (29 об.), сва́завъ е́моу ро́уце ѿ нозѣ́ (34 об.), двѣ́ рѣ́це (93 об.), но ро́уцѣ во́вѣди/ (163 об.), нозѣ́ еѧ/ѡ́мывѧъ (164 об.). Изредка подобная ситуация наблюдается в форме местн. падежа множ. числа существительных с основой на *ѡ: во грѣ́сѣхъ (5 об.), ѿ сво́ихъ грѣ́сеѧъ (7), но ѿ грѣсѣ́хъ (105), ѿ грѣсѣ́хъ (114 об.), ѿ ча́деѧъ (10 об.). Графему ѣ вместо положенной е иногда обнаруживаем в

местн. падеже множ. числа существительных с основами на *ї и на согласный: в поустошны^х печалѣхъ (63), ѡ словесѣхъ/ (171). Что же касается суффиксов сравнительной и превосходной степени прилагательных, то в этом случае писец Златоуста примерно в равной степени использует как верное их написание с буквой ѣ, так и неправильное – с є: первее ѡвѣстѣ (15), перее бѣде (18), свѣтлѣнши^х (41), мѣтвее и чѣвкѣбвее (51), гѣрше пѣлнцы (85 об.), ѡсѣженіе приніме^т болѣше (122); скотѣ горѣе^т (131), но горее бѣса (140 об.); зѣе согрешѣннѣ, грешнѣиша (146), выстрѣе бежащаго (151), свѣтлѣе слнца, белѣе/снѣга (171 об.), ѡдѣма дрѣвнѣиша (172 об.). Формы же неопределенных местоимений нѣкыи, нѣкзто, нѣчто чаще употребляются верно, с буквой ѣ: нецыи* (55), но нѣкоего хѣлѣбца (63 об.), нѣкоего старца (69), чѣвкз нѣки (70).

В анализируемой рукописи встречаем отражение еще одной из нередко встречающихся в данный период фонетических особенностей – мену звуков, обозначаемых графемами є / ѣ. Обычно ѣ заменяется є «...в корнях слов на месте бывшего носового звука [ѣ], как в русских говорах...»¹. Однако отметим, что в Златоусте подобная мена является редкой: в пѣметѣ (5), памѣтливѣ (9), кленѣтѣ (132 об.), нѣчнѣтѣ тѣ/кленѣтѣ (139), кленѣ/ше жѣ (153), нѣкленѣцаѣ ѡменѣмѣ (167 об.); в основном писец использует верные написания: смѣтѣтѣ (17 об.), пѣсѣннѣ (18), бѣ/спѣмѣтнѣю мѣкѣ (32 об.), помѣ/нѣ мѣ (48), пѣтѣдѣсѣтнѣ (54 об.), дѣсѣтнѣю (78 об.), бѣз мѣтѣ/жѣ (92 об.), нѣ ѡтѣгѣѣтѣ (118), прѣтѣжѣннѣ (134 об.), тѣврѣхѣ памѣтѣ (165 об.), смѣтѣсѣ (171). В этом плане орфография писца Златоуста отличается от орфографии переписчика упомянутого выше Апостола, для которого как раз характерна регулярная мена графем є / ѣ. Однако письмо обоих писцов объединяет следующая, очень специфическая особенность: обратная мена буквы є на ѣ под ударением. Исследователи отмечают крайнюю редкость таких написаний в русских рукописях; кроме того, маловероятно, что их можно считать отражением особого фонетического процесса, так как он противоречил бы всей фонетической системе древнерусского языка: «...в положении между мягкими согласными изменение закрытого гласного в открытый ряд вряд ли можно объяснить»³. Однако если в Апостоле отмечен один подобный слу-

¹ Ненашева Л. В. Графические и орфографические особенности памятников русской письменности XV века. – Архангельск: Издательство Поморского государственного университета, 2010. – С. 111.

² Лихачева Е. С. Отражение фонетических процессов в Апостоле XVI века // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной памяти д. ф. н., профессора К. А. Войловой (г. Москва, 27 февраля 2020 г.) / под редакцией О. В. Шаталовой. – Москва: Издательство МГОУ, 2020. – С. 214–215.

³ Иванов В. В. Фонетика // Иванов В. В. и др. Древнерусская грамматика XII–XIII вв. – Москва: Наука, 1995. – С. 147.

чай, в Златоусте их по меньшей мере четыре: по^оло^нн^ие (15), покло^нн^ие (95), по^оло/н^ан^иа (157 об.), по^оло^нн^ие (166). Можно сказать, что в целом писец Златоуста придерживается нормы, почти не меняя **л** на **ѣ**; что же касается редкого и необычного написания **л** под ударением, то оно, возможно, объясняется стремлением писца к некоторой архаизации религиозного текста.

В исследуемой рукописи обнаруживается также последовательное неразличение звуков [о] и [а]: астава^лѣтъ (1), вопроша^ѣмъ тѣ (20 об.), Ив^анъ зла/та^ѣстъи (61 об.), прекла^нл^а ко^лѣни (63), прекла^нѣ/тѣ ко^лѣни (114), м^лнц^а/ра^ѣжаема, м^лт^рь ра^ѣжающ^ѣ (170), вопроша^ѣтъ (175 об.). Частота и разнообразие случаев неразличения могут свидетельствовать об аканье, характерном для говора писца. Нередки в Златоусте примеры косвенно свидетельствующих об аканье гиперкорректных написаний: ѿрица^ѣмъ сото^ни (18), ко ѿ^тари^ѣ (33); преда^ѣтъ сото^нѣ (61 об.), но д^ѣла сатани^на (81); на с^ѣомъ ѿ^тар^ѣ (77); сото/но^ѣ (96 об.), но сатана^ѣ (94); посре^дь/по^латы (111), в^ь по^лат^ѣ (116), д^ѣло сото^нини^ѣ (121), по^латы ка^мен^ьныи (137 об.), п^ѣсни сото^ни/ны (145 об.), сото^на (169).

Говоря о специфике вокализма писца Златоуста, отметим еще одну его особенность: он использует почти исключительно русские (не старославянские) варианты имен собственных (а также производных от них) и заимствованных слов, где наблюдаются мена гласной на согласную и произношение [ja] на месте [a]: Ив^ана/злато^ѣстаго (5), Ив^ана злато^ѣстаго (42), и^ѣковле [богатство] (46 об.), О^ѣлиа^нъ ц^ѣрь (52), ц^ѣрь О^ѣлиа^нъ (53); к па^три^ѣрху Нек^ѣтари^ѣ, но па^три^ѣрхъ* (52 об.); И^ѣкова (62 об.), с^ѣаго И^ѣ/ѣкова (100), при ц^ѣрь О^ѣстиа^нѣ (102 об.), ѿми/и^ѣа^нъ (129), И^ѣако^ѣ (174), ѿмиа^нъ (176). Писец Златоуста также регулярно делает выбор в пользу русских вариантов слов с начальным [y] / [ʲy]: ѿ ѿ^ности (36 об.), ѿ^ныа д^ѣвы (37 об.), ѿ^ноша^ѣ (88, 171 об.), ѿ^но^ти (97 об.), ѿ^ности (130); однако в словах с начальными [o] / [e] предпочитает старославянское произношение: ѣзеро ѿ^нене^ѣ (21), ѣзера (167 об.).

Выводы

Рассмотрев отдельные фонетические процессы, отраженные в Златоусте конца XVI в., мы можем сделать ряд определенных выводов. Наиболее последовательно и разнообразно в данной рукописи отражены фонетические особенности из области консонантизма: различные типы ассимиляции (порой приводящие к гиперкорректным написаниям), упрощение групп согласных, мена аффрикат. Шипящие звуки в фонетической системе писца оказываются твердыми. Кроме того, писец Златоуста демонстрирует две противоположные тенденции в плане старославянских произносительных и письменных норм: с одной стороны, последовательно использует написание **ж** на месте праславянского сочетания *dj, а с другой – предпочитает старосла-

вянские написания с буквой *ѣ* древнерусским с *ч*. Что же касается изменений в области гласных, то они представлены в рукописи слабее. В Златоусте наблюдается регулярная мена букв *ѣ* / *е* в корнях слов, в окончаниях существительных, а также в суффиксах сравнительной и превосходной степени прилагательных (отметим, однако, что эти процессы характерны и для других рукописей XVI в.). Можно предположить, что частота подобных примеров свидетельствует о процессе утраты в говоре писца фонемы, которую обозначала на письме буква *ѣ*. Из диалектных фонетических процессов вокализма в Златоусте убедительно отражено аканье (также отмеченное многочисленными гиперкорректными написаниями). Скорее всего, только аканье и можно считать полноценной диалектной особенностью, свойственной рукописи, поскольку примеры мены звуков [*’а*] / [*’э*] на месте бывшего носового [*ѣ*] в Златоусте единичны. Древнерусские варианты имен собственных и начальное [*у*] вместо старославянского [*’ју*] также свидетельствуют об определенном «обмирщении» языка писца Златоуста. В целом же в плане вокализма писец Златоуста конца XVI в. оказывается более консервативен, чем, к примеру, переписчик упоминавшегося нами Апостола, датируемого началом XVI в. Однако многочисленные примеры консонантных фонетических процессов, неупорядоченное употребление букв *ѣ* / *е*, обозначающих исконно разные гласные фонемы, устойчивое аканье позволяют нам утверждать, что писец Златоуста, работая над религиозным текстом, все же, вольно или невольно, фиксирует звуковые изменения, характеризующие его говор и эпоху. Ожидаемое в тексте церковного содержания отражение старославянских произносительных особенностей не оправдывается. Рукописи Апостола и Златоуста, таким образом, свидетельствуют о том, что в XVI в. местные, диалектные фонетические особенности и черты разговорной речи проникают не только в деловую письменность, но и в сочинения духовного содержания, которые, как правило, были наименее подвержены нововведениям в предыдущие временные периоды.

Список литературы

Иванов В. В. Фонетика // Иванов В. В. и др. Древнерусская грамматика XII–XIII вв. – Москва: Наука, 1995. – С. 20–169.

Лихачева Е. С. Отражение фонетических процессов в Апостоле XVI века // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной памяти д. ф. н., профессора К. А. Войловой (г. Москва, 27 февраля 2020 г.) / под редакцией О. В. Шаталовой. – Москва: Издательство МГОУ, 2020. – С. 211–216.

Ненашева Л. В. Графические и орфографические особенности памятников русской письменности XV века. – Архангельск: Издательство Поморского государственного университета, 2010. – 272 с.

Ненашева Л. В. Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». – Москва: Северный паломник, 2019. – 392 с.

Творогов О. В. Описание и классификация списков сборника «Златоуст» // Труды Отдела древнерусской литературы / под редакцией Д. С. Лихачева. – Ленинград: Наука, 1985. – Т. 39. – С. 278–284.

Творогов О. В., Черторицкая Т. В. Златоуст // Словарь книжников и книжности Древней Руси / под редакцией Д. С. Лихачева. – Ленинград: Наука, 1988. – Вып. 2. – Ч. 1: А–К. – С. 358–363.

Черторицкая Т. В. Торжественник и Златоуст в русской письменности XIV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг / под редакцией Л. П. Жуковской. – Москва: [б. и.], 1990. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 329–381.

References

Ivanov V. V. Fonetika [Phonetics]. *Ivanov V. V. i dr. Drevnerusskaia grammatika XII–XIII vv.* [Ivanov V.V. et al. Old Russian grammar of the XII–XIII centuries]. Moscow: Nauka, 1995, pp. 20–169.

Likhacheva E. S. Otrazhenie foneticheskikh protsessov v Apostole XVI veka [Reflection of phonetic processes in the Apostle of the 16th century]. *Russkii iazyk v slavianskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov po itogam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvashchennoi pamiati d. f. n., professora K. A. Voilovo (g. Moskva, 27 fevralia 2020 g.)* [The Russian language in Slavic intercultural communication: a collection of research papers following up the International Research Conference dedicated to the memory of Doctor of Philological Sciences, Professor K. A. Voylova (Moscow, February 27, 2020); ed. by O. V. Shatalova]. Moscow: Izdatel'stvo MGOU, 2020. pp. 211–216.

Nenasheva L. V. *Graficheskie i orfograficheskie osobennosti pamiatnikov russkoi pis'mennosti XV veka* [Graphic and spelling features of Russian ancient manuscripts of the 15th century]. Arkhangel'sk: Izdatel'stvo Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. 272 p.

Nenasheva L. V. *Rukopisnaia kniga Russkogo Severa XV–XX vv. v sobranii Gosudarstvennogo muzeinogo ob"edineniia "Khudozhestvennaia kul'tura Russkogo Severa"* [Manuscript book of the Russian North of the XV–XX centuries in the collection of the State Museum Association “Artistic Culture of the Russian North”]. Moscow: Severnyi palomnik, 2019. 392 p.

Tvorogov O. V. Opisanie i klassifikatsiia spiskov sbornika “Zlatoust” [Description and classification of lists in “Zlatoust”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Ancient Russian Literature; ed. by D. S. Likhachev]. Leningrad: Nauka, 1985, vol. 39, pp. 278–284.

Tvorogov O. V., Chertoritskaia T. V. Zlatoust [Zlatoust]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [The dictionary of scribes and booklore of Ancient Russia; ed. by D. S. Likhachev]. Leningrad: Nauka, 1988, iss. 2, part 2: A–K, pp. 358–363.

Chertoritskaia T. V. Torzhestvennik i Zlatoust v russkoi pis'mennosti XIV–XVII vv. [The Festal Homiliary (Torzhestvennik) and Zlatoust in the Russian writing system of the XIV–XVII centuries]. *Metodicheskie rekomendatsii po opisaniu slaviano-russkikh rukopisnykh knig* [Methodological recommendations for the description of Slavic-Russian manuscript books; ed. by L. P. Zhukovskaia]. Moscow, 1990, iss. 3, part 2, pp. 329–381.

Для цитирования: Лихачева Е. С. Отражение некоторых фонетических процессов в Златоусте конца XVI века // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 4 (103). – С. 66–77. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-6>

For citation: Likhacheva E. S. Reflection of some phonetic processes in Zlatoust of the end of the XVI century. *Cherepovets State University Bulletin*, 2021, no. 4 (103), pp. 66–77. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-6>

Сведения об авторах

Елизавета Сергеевна Лихачева /
Elizaveta S. Likhacheva

Аспирант, liza.lihachyowa@yandex.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия) / Postgraduate student, liza.lihachyowa@yandex.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, Severnaya Dvina nab., 163002 Arkhangelsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 05.04.2021; одобрена после рецензирования 11.05.2021; принята к публикации 24.05.2021.

The article was submitted 05.04.2021; Approved after reviewing 11.05.2021; Accepted for publication 24.05.2021.